

Е. П. Шеболкина (*Сыктывкар*)

**Генезис и диахронические корреляции
грамматических категорий коми языка**

Совокупность грамматических категорий глагола представляет собой определенную систему, нацеленную на разноплановую передачу некоторого мыслительного содержания. Отношения между компонентами этого комплекса иерархичны вследствие их функциональной неоднородности и различной значимости каждой грамматической категории в процессе преобразования пропозиции в предложение.

Деление категорий на предикативные, конституирующие субъектно-предикатные отношения, и актуализационные категории функционального (речеобразующего) плана обусловлено самой логикой речемыслительного процесса.

Так, чтобы дать наименование какой-либо ситуации, говорящий должен совершить ряд семантических операций, необходимых для трансформации пропозиции в предложение, а именно:

1. Определить субъект и предикат высказывания посредством обращения к языковому арсеналу глагольной категории залога.

2. Соотнести предизируемую ситуацию с моментом речи через языковые средства глагольной категории времени.

3. Определить связь субъекта и предиката как реальную или ирреальную путем выбора необходимой формы наклонения глагола.

4. Оснастить предикат дополнительными логемами при помощи языковых средств, предоставляемых глагольной категорией вида.

Конечно же, нельзя четко отделить одну операцию от другой и установить последовательность в их осуществлении, но, тем не менее, семантика и функции каждой глагольной категории имеют свое основание в тех или иных понятийных категориях мышления. Понятийные категории не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, ведь формальные категории языка есть результат стихийного обобщения языковых форм, использовавшихся для образования и выражения мыслей. Грамматические категории выступают грамматикализированным ядром понятийных категорий, имеющих полевую структуру, которая может быть также "покрыта" и другими средствами языка разных уровней.

Мышление объемно, и между полями понятийных категорий всегда есть связь, так, одни понятия могут быть обусловлены другими, в рядоположении понятийных блоков обнаруживаются взаимопереходы, общие сегменты, сквозные коридоры, что не может не отразиться на семантике и структуре грамматических категорий, т. е. причины, условия корреляций между грамматическими категориями следует искать прежде всего в мышлении, поскольку грамматические категории формировались с развитием понятийного аппарата мышления, и история грамматических категорий есть история развития логического мышления.

Несмотря на индивидуальное развитие грамматических категорий в каждом конкретном языке, в истории языка существуют отмеченные типологически преобразования.

К примеру, выделяется узуальность и однонаправленность процессов, связанных с образованием залоговой оппозиции *цен-*

тробежный / нецентробежный / центростремительный процесс. Их распространенность и однотипность подтверждаются материалами индоевропейских, тюркских, семитских, финно-угорских языков. В названных языках оппозиция *актив / пассив* либо оформляется довольно поздно, либо обнаруживает лишь неразвившиеся потенциальные элементы. Общими являются устойчивые связи пассива с разными образованиями, входящими в структуру так называемого *медия*, объединяющего обозначение состояния, различные оттенки субъектной отнесенности процесса, его субъектной замкнутости, включая инклюзивность, непреходность, возвратность. Грамматическое оформление оппозиции *актив / пассив* осуществлялось в недрах оппозиции *актив / медий* (см. об этом: Гухман 1981). Происхождение перфекта также имеет источник свой в медиальном континууме (Kuryłowicz 1964). В финно-угорских языках коррелируют пассив и каузатив (Хакулинен 1953).

Попробуем предположить, в каком виде существовала оппозиция *актив / медий* в прафинно-угорском языке, какие формы вышли из *медия*, как перераспределились суффиксы и их значения в финно-угорских языках.

Структура континуального поля *медия* коррелирует и находится в отношениях взаимодействия со степенью развития абстрактного мышления человека. Усложнение ассоциативных связей, более адекватное и четкое отражение категорий и связей внешнего мира повлияло на перераспределение и формализацию смысловых элементов медиального континуума таким образом, что в его поле произошло грамматическое оформление парадигм, передающих содержание конкретизированных моделей соотношения субъекта и действия.

В прафинно-угорском языке существовал формант $-\beta / -w$ для выражения страдательно-возвратных и средневозвратных залоговых отношений. Б. Коллиндер отмечает общность значений пассива, *медия*, рефлексива, выражаемых этим суффиксом, и употребление его в одном из этих значений во многих финно-угорских языках (Collinder 1965: 61, 117, 121). В. Таули пишет об употреблении рефлексива в качестве пассива и о трансформации формантов $-\beta / -w$ в $-i, -j, -i$ (Tauli 1966: 168).

То есть первоначально в прафинно-угорском языке оформление медиального континуума было связано с этим суффиксом.

Рефлексы суффикса $-\beta / -w$ обнаруживаются и в современных финно-угорских языках (страдательное и возвратные значения): финском (*jakautua* 'делиться' < *jakaа* 'делить'), саамском (*gaw'd-nu-* 'найгись' < *gaw'dna-* 'найти'), мордовских (*лазовомс* 'расколоться' < *лазомс* 'расколоть'), мансийском (*χyлаβ* 'слышаться' < *χyл* 'слышать'), венгерском (*merul-ni* 'погружаться в воду' < *merit-eni* 'черпать') языках. В других языках этот формант был вытеснен другими, и рефлексы его встречаются sporadически.

В коми языке залоговые модели пассивности, возвратности оформляются суффиксом $-c'$. Аффективы маркируются формантами $-c'$ и $-\ddot{o}d$ ($-m$). Можно предположить, что далеко не последнюю роль в процессе вытеснения финно-угорского компонента $-\beta / -w$ компонентом $-c'$ сыграли видо-залоговые корреляции в фрагменте репрезентации мыслительного содержания категории состояния субъекта. Об этом речь пойдет чуть ниже, пока проанализируем картину распределения и взаимоотношения смысловых элементов поля медиальности в коми языке.

Первоначально медий и пассив не были дифференцированы формально, но от медиального семантического инварианта инактивности как некой данности постепенно начал отпочковываться инвариант аффицированности субъекта, когда состояние последнего осознается как нечто возникшее, привнесенное извне, явившееся результатом известного процесса.

В коми языке пассивность связана с семантическим полем суффикса $-c'$: *Но, вöлömkö, абу на сöмын та ылнася налöн вуж-йыс, тиöтти и пас, вöлömkö, пуктысьсö налöн* (Г. Юшков). 'Но, оказалось, не столь короток их род, даже свой пас (знак), оказывается, ставится у них'.

Этот же суффикс маркирует в коми языке конструкции рефлексива, реципрока, объектного имперсонала: *пасьтасьны* 'одеваться', *окасьны* 'целоваться', *вурсьыны* 'заниматься шитьем'.

Такая залоговая конструкция коми языка как аффектив, которая в какой-то мере соотносится со значениями пассива и каузатива, а, следовательно, и медия, репрезентируется суффиксами $-c'$, $-\ddot{o}d$ ($-m$): *Кутшöм нин сэсся торъя витöм, син весьтöдзыс эз и лыбавлы пищальыс, лыйсис нин Ревеккалöн* (Г. Юшков). 'Какое уж там прицеливание, пищаль не поднялась и до уровня глаз, а у Ревекки уже (букв.) выстрелилось'. *Öти здукöн скöрмöмсьыс Павелöс векыштöдліс, быттöкö висян тинь сьлöн ентыштіс*

(Г. Юшков). 'В одно мгновение Павла от злости скривило так, будто больной зуб дал знать о себе'.

Аффективные конструкции, выделяющиеся из семантического континуума медиа, характеризуются аффицированностью носителя признака, не являющейся, в отличие от признака пассива, результатом воздействия агенса. Аффектив ближе по семантике к медию, так как в обоих случаях наблюдается параллельное соотношение качеств субъекта как ведущего и как ведомого. Объективное оформление лица выражает зависимость процесса, которым охвачено лицо, от неконтролируемой последним, "вне-сознательной", посторонней силы.

Аффективы интересны тем, что в своей структуре как бы совмещают значения аффицированности (пассивности), "рецепт -- каузативности" и медиальности (замкнутости действия сферой субъекта). Аффективы считаются древнейшими синтаксическими конструкциями, во многом коррелируют с прошедшими этапами развития мыслительных представлений. Но свою актуальность не утратили и в современности, поскольку та модель расположения действия относительно субъекта, которая представляется этими конструкциями, имеет достаточно высокую частоту обращения в речи. По всей видимости, эта конструкция одной из первых выделилась в самостоятельную из медиа, поскольку основную группу глаголов и соотносительных имен, заполняющих в речи эту модель, составляют глаголы медиальные, соотносимые с одушевленным субъектом, который является местом протекания действия, вызванного, каузированного некими внешними силами.

Теперь пронаблюдаем, какое место в медиальном континууме занимают каузативные конструкции, как соотносятся они с другими моделями залогов.

Согласно точке зрения Э. Бенвениста (1974: 189), медиальный глагол может получать, как вторичное явление, форму актива. Результатом этого в отношении субъекта к процессу будет изменение, состоящее в том, что субъект, становясь внешним по отношению к процессу, будет его действующим лицом (агеном), а процесс, лишившись субъекта как места своего осуществления, будет перенесен на другой член, ставший его объектом. Таким путем из среднего залога образуются активные формы, называемые транзитивными, каузативными, фактитивными и всегда характеризующиеся тем, что субъект, находящийся вне процесса,

отныне управляет им как производителем, а процесс больше не сосредотачивается в субъекте и должен перейти на объект как на некоторую цель.

И здесь семантические поля медиа и каузатива объединяются на основе выражения состояния. Медиио это присуще изначально, а в каузативной ситуации наличие одного действия предполагает наличие другого действия или состояния как следствия первого.

В коми языке каузативные конструкции обозначаются суффиксами *-öd (-m)*: *узьтöдны йöзöс* 'дать ночлег (спать) людям'.

Каузатив коррелирует с медием опять же во фрагменте, связанном с обозначением состояния, обращения в состояние, нахождения в нем.

Л. Хакулинен, Б. Коллиндер, В. Таули считают, что пассивное значение суффикса *-tt* в прибалтийско-финских языках развилось из значения каузатива. В венгерском языке суффиксы *-at, -et, -tat, -tet* выражают как каузативное, так и страдательное залоговое значения (Майтинская 1959: 97, 102).

Смысловым блоком, обеспечивающим корреляцию каузатива и пассива, можно считать концепт пациенса, входящий в качестве основного в структуру пассива и одного из основных в структуру каузатива.

Переосмысление и перераспределение содержательных элементов поля медиальности шло синхронно. На линии *актив – медий* каузатив мог занимать срединное место, коррелируя с медием семантически, с активом структурно (переходность, наличие объекта действия). Параллельно шло развитие понятия аффицированности субъекта, становление пассивных конструкций. Так что каузатив вполне мог послужить источником возникновения пассива, или резонировать в этом процессе.

Таким образом можно реконструировать в коми языке генезис и систему соотношения залоговых конструкций, оформившихся в самостоятельные из медиа.

Эволюция видовых форм типологически не отмечена, это можно объяснить тем, что моделирование субъектно-предикатных (залоговых) отношений имеет четкие ориентиры, осуществляется в сфере двух заданных переменных, более привязано к логике, к понятийному аппарату мышления, в котором категории субъекта, объекта, предиката необходимо присутствуют в силу их

базисного, всеобщего характера. В то время как генезис вида связывается первоначально с отражательным, денотативным характером передачи референтной ситуации, фиксируемым в лексике, а уж в этой мозаичной плоскости наблюдается колоссальное различие языков по степени и формам абстракции. Интерпретационные моменты, коррелирующие с более развитыми типами и формами абстрагирования, также имеют идиозтичскую окраску.

Развитие поля аспектуальности в коми языке можно реконструировать по типу: выражение способов действия < выражение способов представления действия. Первоначально значение деривационных суффиксов глаголов находилось в очень тесной связи с лексическим значением глагольных основ и было ориентировано на их уточнение и конкретизацию. Ю. С. Степанов (1976) справедливо отмечает, что виды в собственном смысле появляются тогда, когда говорящий получает от системы языка возможность представить любое действие либо как ограниченное каким-либо пределом, либо как неограниченное, и, следовательно, получает свободу субъективно характеризовать объективное действие.

А поскольку в референте существуют ситуации реального предела, завершения, окончания какого-либо действия (*исчезнуть, рассыпаться, умереть*), то понятие внешнего предела перерабатывается мышлением в абстракцию предела внутреннего, что как раз и предоставляет говорящему возможность установления внутренних пределов разного порядка в представлении любых действий. То есть в мышлении эволюционирует само понятие предела, происходит отвлечение от лексического значения, улавливается и грамматикализируется деривационная идея. При сохранении средств для передачи способов глагольного действия, система языка приобретает средства для выражения способов представления действия.

Эта линия развития концептов аспектуальности типологически не отмечена, но реконструируется многими исследователями поля аспектуальности в разноструктурных языках (Маслов 1962; Степанов 1976).

В коми языке выделяются следующие способы представления действия говорящим и полагания им таких внутренних пределов, которые:

– фиксируют обретение субъектом суждения новой меры существования: *измыны 'окаменеть'*;

– ограничивают некий условный объем действия: *сетыштны* 'дать немного';

– структурируют действие в качестве рассредоточенных в пространстве-времени и имеющих различную субъектно-объектную направленность эквивалентных актов: *мунавны* 'поуходить';

– ограничивают временными условными рамками "темпорал" действия: *сетлыны* 'дать на время'.

Грамматическая категория времени возникает в языке под влиянием настоятельной необходимости для участников речевого акта локализовать сообщаемое относительно этого акта. Глобальная абстракция *прошедшее – настоящее – будущее* манифестируется во всех языках, однако конкретные системы времен в различных языках могут быть различными в силу того, что каждый язык имеет индивидуальную направленность формообразования. В коми языке выделяются настоящее, будущее и два прошедших времени, одно из которых, так называемое второе прошедшее время, маркируемое суффиксом *-ом*, является очень интересным с точки зрения происхождения.

Генезис категории наклонения связан также с развитием логического мышления, с расширением возможностей моделирования (а не только непосредственного восприятия) процессов реального мира. Развитие временных представлений и представлений о реальных / ирреальных действиях резонирует в мышлении человека и это подтверждается материалом коми языка.

Для прафинно-угорского языка реконструируются три наклонения: индикатив – без материальных показателей, императив с маркером *-k*, кондиционалис с показателем *-ne*.

В современном коми языке обнаруживаются рефлексы этих форм, однако парадигма наклонения ныне определяется с точки зрения семантико-синтаксической, а не морфологической: индикатив, императив, потенциалис, оптатив, суппозитив.

При анализе межкатегориальных корреляций коми глагола обнаруживаются устойчивые семантические и структурные связи между категориями вида и залога, времени и наклонения, вида и времени.

Отвечая на вопрос о причинах сохранения в ряде языков системы выражения медиальных и соотносительных с медием значений при помощи формантов *--β / -w*, при вытеснении этих же компонентов в других языках (в частности, в коми языке),

следует обратиться к проблеме дистрибуции маркеров, оформляющих (отнюдь не случайно) различные глагольные категориальные значения.

В коми языке суффикс *-сь* маркирует как ряд залоговых моделей, так и вид процесса меры. Можно предположить, что семантический фрагмент, объединяющий эти значения, связан с инвариантом состояния: приобретения состояния, нахождения в нем. Залоговое значение медиа, фиксирующее оттенки субъектной отнесенности процесса, инклюзивности, непереходности, смыкается в этом фрагменте с видовым значением процесса меры, фиксирующим переход в определенное состояние как результат известных действий.

В современном коми языке залоговые значения медиальности, возвратности, пассивности так или иначе несут и характеристику процесса меры, а глаголы с видовой характеристикой процесса меры, в свою очередь, являются непереходными, замкнутыми сферой субъекта.

Инвариант обращения в какое-либо состояние, связанное с обладанием, оказывается тесно связанным с перфектным значением, некогда функционировавшим в качестве особой формы медиа.

Перфект обозначает состояние, установившееся в результате предшествующего действия, в перфекте субъект предстает как обладатель осуществленного действия, действия, результированного в состояние.

Второе прошедшее время в коми языке, маркируемое суффиксом *-ӧм*, Б. А. Серебренников (1960: 59) определяет как чистейший перфект, выражающий законченное действие, результат которого существует в настоящее время.

Формант *-м* входит в граммему вида процесса меры, а также участвует в формообразовании существительных, прилагательных, различных глагольных форм, наделяя эти формы значением объекта и результата действия, орудия и места действия и состояния.

Можно сделать предположение об ассоциативном значении форманта *-м*, синтезирующем в своей структуре семантику обращения субъекта в иное состояние при определяющем значении результативности этого процесса. Сравните: *томмыны* 'помолодеть' – результативное действие, фиксирующее изменение меры

бытия субъекта; *карысь локтõм морт* 'человек, приехавший из города' – перфектное обозначение субъекта как обладателя результативного действия; *уджыс вõчõма* 'работа сделана' – результативное, перфектное действие.

Аналогичные смысловые нюансы улавливаются между видовым *-с'*, входящим в грамему вида процесса меры, прафинно-угорским показателем прошедшего времени *-s*, который Б. А. Серебренников (1967: 133) возводит к суффиксу глагольного имени, выражавшему объект или результат действия. По его мнению, транзитивные глаголы получали суффикс *-s*, интранзитивные – суффикс *-j*. Напрашивается вывод, что суффикс *-s* синтезировал в своей структуре семантику изменения меры бытия субъекта, дополняемую семантикой результативности, завершенности.

Очень прозрачные связи существуют между ирреальными наклонениями, будущим временем (потенциалисом) и отрицанием в коми языке.

Б. А. Серебренников (1964: 86–87) считает, что в прафинно-угорском языке категория настоящего времени не имела никакого материального показателя, т. е. реализовывалась путем присоединения личного окончания к основе глагола. Тогда как будущее время имело показатель *-k*, который выражал также широкие варианты модальных значений.

Можно предположить, что суффикс *-k* функционировал в качестве показателя ирреальных действий – действий, моделируемых говорящим:

- действий, относимых к плану будущего времени;
- действий, относимых к плану их требуемого / желаемого осуществления;
- действий, относимых к плану отрицания предиката (не имевших места быть).

В подобных моделях улавливается общая идея, признак отсутствия / невосприятия действия.

Рефлексы показателей ирреальных наклонений в современном коми языке обнаруживаются в сфере отрицательного вспомогательного глагола: *эз мун* 'не пошел', *ог лок* 'не приду', а также в форме 2-го лица императива отрицательного глагола *эн лэдз* 'не отпускай', *энõ сернитõй* 'не разговаривайте'.

Все приведенные примеры наглядно свидетельствуют о процессе изоморфного развития структуры мышления и структуры

языка, о пересечениях концептов, фиксирующих различные курсы сложноструктурированного мира, в общих фрагментах.

Библиографический список

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Наука, 1974.

Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981.

Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. 2: Грамматическое словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Наука, 1964.

Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964.

Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.

Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность. I // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1976. Т. 35, № 5.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. I. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Collinder B. An introduction to the Uralic languages. – Univ. of the Calif. press. Los Angeles, 1965.

Kurylowics J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Tauli V. Structural tendencies in Uralic languages // Ind. Univ. publ.: Ur. and Alt. Ser. V. 17. London, 1966.